Капитанъ Ильинъ и его послѣдователи.

Въ іюньской книгѣ „Православнаго Обозрѣнія“ за нынѣшній годъ помѣщена была интересная для пермяковъ „Сіонская Вѣсть.“ Для меня она имѣла интересъ тѣмъ большій, такъ-какъ основатель секты капитанъ Ильинъ былъ въ близкихъ со мною сношеніяхъ, когда я былъ воспитанникомъ въ семинаріи; въ Баранчѣ моя родина, и родители мои были знакомы съ Ильинымъ; въ этомъ мѣстѣ Богъ привелъ, наконецъ, жить и мнѣ.

По этому и статья моя, смѣю думать, будетъ имѣть хотя нѣкоторый интересъ для читателей Пермскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Ильинъ, поступивши въ Баранчу, вскорѣ по пріѣздѣ сдѣлалъ визитъ бывшему въ то время священникомъ моему родителю. Завязалась между ними на первый разъ крѣпкая дружба. Оба полюбили другъ друга сколько за

взаимную любовь къ собесѣдованіямъ о богословскихъ предметахъ, столько же. и еще болѣе за ревность къ православію. Ужъ не знаю, была ли въ то время ревность Ильина ревностію по Богѣ. По крайней мѣрѣ, судя по внѣшнему образу его жизни, я могъ заключать, что онъ былъ ревностнымъ прихожаниномъ моего батюшки. Бывало, въ вакаціальное время я любилъ наблюдать за ревностію къ Богослуженію здѣшнихъ прихожанъ. По моему мнѣнію, Ильинъ былъ первый; видалъ я его часто за вечерней и утреней, и почти всегда за литургіей. Онъ стоялъ всегда напереди, около праваго клироса, и большею частію на колѣнахъ. Сознаюсь откровенно, что я имѣлъ къ нему въ то время какое-то особенное влеченіе; будучи еще воспитанникомъ, я увлекался даже внѣшностію его.... И дѣйствительно онъ умѣлъ привлекать къ себѣ и располагать очень многихъ. И доселѣ многіе изъ православныхъ здѣшнихъ прихожанъ воспоминаютъ дѣла его внѣшняго благочестія и удивляются, какъ это случилось, что Николай Созонтовичъ измѣнилъ православію. Впрочемъ, и въ началѣ прибытія его въ Баранчу можно было замѣтить, по крайней мѣрѣ мнѣ такъ казалось, что въ Ильинѣ кроется что - то особенное: то не нравилось ему что нибудь въ совершаемыхъ по уставу внѣшнихъ обрядахъ церкви, (*) то къ угодникамъ Божіимъ не обнаруживалъ должнаго почтенія, то о нѣкоторыхъ высшихъ лицахъ отзывался съ самой невыгодной стороны. Родитель мой, бывало, по обязанности священнической, старался всѣми возможными мѣрами, удержать его отъ неумѣстныхъ и гнилыхъ разглагольствій, но тотъ отвѣчалъ ему: „что, вы, батюшка, спорите? вѣдь у меня въ Маякѣ помѣщено множество статей?“ [?!] А со мною, разъ, былъ и вотъ какой случай.

Тогда я былъ только что переведенъ въ богословскій классъ. Въ каникулы вечера мы большею частію проводили въ прогулкахъ по заводу. Родитель, капитанъ и я,—вотъ, бывало, наша компанія. Родитель, утомившись продолжительностію прогулки, отправился домой, а я, по приглашенію Ильина, пошелъ къ нему. Тутъ былъ у меня жаркій съ нимъ споръ о Петрѣ Великомъ. О государственныхъ его дѣяніяхъ онъ старался умалчивать, но когда споръ коснулся религіи, онъ, въ опроверженіе моихъ доводовъ, сказалъ: „да вы что спорите, молодой человѣкъ, вѣдь я спорилъ съ архіереями, и тѣ молчали предо мною (**). Я какъ разъ въ ту минуту замолчалъ. Воображая

(*) Разъ, напримѣръ, въ великую субботу на утрени онъ открыто настаивалъ на томъ, чтобы батюшка мой вокругъ церкви обошелъ съ плащаницею три раза.

(**) Не вѣримъ. Но если и было что—нибудь подобное, то, конечно, на основаніи

вѣроятно, что я склонился къ его убѣжденіямъ, онъ подвелъ меня къ конторкѣ и показалъ завѣтную „Сіонскую вѣсть.“ Изъ любопытства я хотѣлъ было взять ее въ руки, но капитанъ тотчасъ же заперъ, сказавъ: „вы невыучились еще и не возвысились до совершенства“ (*). Съ тѣхъ поръ я и родитель мой стали думать объ Ильинѣ совершенно иначе.

Послѣ каникулъ у насъ былъ экзаменъ. Высокопреосвященный Аркадій, спрашивая меня по одному предмету, не удовлетворился моими отвѣтами, и велѣлъ принести къ себѣ всѣ сочиненія, сказавъ: „ты будешь жить въ Баранчѣ на мѣстѣ отца.“ Я не замедлилъ къ нему явиться. Послѣ замѣчаній о недостаткахъ, онъ спросилъ объ Ильинѣ; вѣроятно онъ слышалъ о немъ и ранѣе, были даже, какъ видно изъ его словъ, представляемы ему и оффиціальныя донесенія (**). Я разсказалъ все, что зналъ про него. Такой отзывъ мой, вѣроятно, какъ я догадывался, дошелъ и до Ильина; родитель мой писалъ ко мнѣ въ одномъ письмѣ: „капитанъ Ильинъ говоритъ здѣсь всѣмъ, что ты первый гордецъ въ Пермской епархіи.“

Въ послѣднее время, назадъ тому съ годъ, была у меня одна изъ вдовствующихъ его дочерей, проживающая, какъ сказывала, въ Нижнетагильскомъ заводѣ. Послѣ взаимныхъ, обычныхъ привѣтствій, я спросилъ ее: а, что, все еще въ Соловецкомъ монастырѣ вашъ папа? ужъ, вѣроятно, онъ раскаялся и получилъ свободу? „О, нѣтъ, онъ дѣйствительно тамъ, отвѣчала она, но нетолько не раскаялся, а намѣренъ жить тамъ, какъ пишетъ въ послѣднемъ письмѣ, до тѣхъ поръ, пока не обратитъ въ свою секту всѣхъ, начиная съ послѣдняго монаха до самаго архимандрита включительно.“—Никогда не повѣрю, сказалъ я, чтобы въ такой твердынѣ православія, какъ Соловецкій монастырь, вашъ папа имѣлъ какой нибудь, хотя малѣйшій успѣхъ. Замѣтно, отвѣтъ мой былъ ей не по сердцу, и она, коротенько побесѣдовавъ со мною, вскорѣ раскланялась. Вечеромъ была, впрочемъ, у всенощнаго бдѣнія, а по окончаніи отправилась, какъ я достовѣрно узналъ, къ послѣдователямъ папеньки, съ какою цѣлію—Богъ вѣдаетъ...

словъ Премудраго: не отвѣщай безумному по безумію его, да не подобенъ ему будеши (Причт. 26, 5). Ред.

[*] Вотъ онъ—нашъ доморощеный гностикъ!.. Хоть и до совершенной нелѣпости дошелъ человѣкъ, да за то собственнымъ умомъ дошелъ—вотъ что особенно дорого и обаятельно для сумасброднаго сектатора!! Ред.

[**] „Благочинный Суворовъ“ сказалъ онъ, „пишетъ, что у васъ въ Баранчѣ есть какой-то капитанъ Ильинъ, не знакомъ ли онъ тебѣ?“

Кстати о послѣдователяхъ Ильина и современномъ движеніи секты. Эта секта самая скрытная, а потому мы старались узнать прежде начала ея, и тогда дѣйствовать противъ послѣдователей. Случай, какъ разъ, представился.—Товарищу моему священнику Колокольникову сказала одна женщина, что въ домѣ одного изъ послѣдователей секты, въ самомъ потаенномъ мѣстѣ, а именно—на сараѣ подъ желобомъ хранится „Сіонская Вѣсть.“ О. Колокольниковъ тотчасъ же выпросилъ полицейскихъ служителей и, по сказанному, дѣйствительно нашелъ желаемое. Но такъ какъ книга найдена была при содѣйствіи полиціи, поэтому управитель завода далъ ее намъ для прочтенія на короткій срокъ, и потомъ отправилъ къ г. горному начальнику. Впрочемъ мы успѣли даже списать ее, но и списокъ нашъ вскорѣ выпросилъ о. миссіонеръ К—р—скій тоже на срокъ, а между тѣмъ, передалъ его одному сановитому лицу, по усиленной просьбѣ послѣдняго. Теперь нѣтъ у насъ ни подлинника, ни списка. Мы бѣгло прочли „Сіонскую Вѣсть“ и многое забыли. А слѣдовало бы имѣть ее намъ настольною книгою, чтобы противодѣйствовать сектѣ и предостерегать православныхъ прихожанъ. Съ такою именно полемическою цѣлію мы и списывали ее; трудно противодѣйствовать сектѣ, не имѣя свѣдѣній о ея началахъ и не открывши источниковъ ложныхъ и вредныхъ мнѣній сектатора. Правда, былъ въ недавнее время у насъ и открытый послѣдователь секты—обыватель Иванъ Ан—нъ, но и тотъ далеко не объявилъ всѣхъ вѣрованій своихъ отцу миссіонеру Ф—нову. Въ „Сіонской Вѣсти,“ между прочимъ, какъ помнится, есть такое правило для послѣдователей: „всѣми мѣрами скрывать себя, и для того исполнять всѣ требованія православной Церкви, и только въ крайнемъ случаѣ обнаруживать себя послѣдователемъ,“ за что обѣщана особенная награда. Ан—нъ захотѣлъ быть открытымъ послѣдователемъ ея. Для этого онъ пригласилъ къ себѣ, во время болѣзни, священника будто-бы для напутствованія, но когда тотъ, прочитавши обычныя молитвы, спросилъ его между прочимъ: вѣруетъ ли онъ во святую Церковь, отвѣчалъ, что въ Церковь не вѣруетъ, потому что въ ней поставлены идолы, разумѣя подъ послѣдними святыя иконы. И отцу миссіонеру онъ высказалъ сомнѣніе и неправомысліе только касательно почитанія святыхъ иконъ и—болѣе почти ничего. Очевидно, по своему невѣжеству онъ не зналъ даже началъ секты, а къ открытому исповѣданію ея увлекала его только практическая идея братства. Онъ былъ дѣйствительно обездоленный судьбой, бѣдный человѣкъ, обремененный большимъ семействомъ. Искалъ онъ и прежде сочувствія къ своему бѣдному положенію, отовсюду и всѣми мѣрами домогался матеріальной помощи, но, не находя ея, рѣшился прибѣгнуть къ край-

ности—измѣнить православію и открыто дѣйствовать въ пользу секты. Нынѣ онъ, кажется, не такъ нуждается въ средствахъ къ пропитанію, пользуясь пока щедротами богачей—своихъ сообниковъ, и, не смотря на тщательнѣйшія убѣжденія о. миссіонера, остается непреклоннымъ въ своемъ заблужденіи.

Болѣе мы не замѣчали, чтобы кто изъ пропагандистовъ Ильина увлекъ кого либо изъ православныхъ прихожанъ въ свою секту (*).

Священникъ Алексѣй Максимовъ.

(*) Дай Богъ чтобы этого совсѣмъ не было. Ред.